

3.2.6. Старый город

С детскими годами вашей бабушки Ариши связаны и другие сюжеты О. Ю. Пославской. [16]

В старый город трамвай ходил по улице Ленина, через Обуховский сквер, и мы, дети, ездили на нём «покататься». ...По пути [к базару] была остановка «Шейхантаур», священное для мусульман место. Хорошо помню посещение Шейхантаура во время поста — уразы. Лишь вечером, когда по правилам уразы «белую нитку нельзя отличить от чёрной», не только утоляется голод, но начинается настоящий праздник. ...Трубили гигантские карнаи, рассыпались дробью большие бубны-дойры и барабаны-ногора — керамические горшки с натянутой на горловину кожей. Узбечки появлялись на празднике только в парандже, накинутой на голову, с лицом, закрытым чачваном — чёрной сеткой из конского волоса. Нам с сестрой одна знакомая подарила такие паранджи с чачванами и дойру. Играя, мы надевали этот наряд и выходили в нём на улицу. Под дойру, на которой научились играть, пели узбекские песни и танцевали. В те времена в моде была песня «Аманвёр».

А. Волков
«Гранатовая чайхана»
Холст, масло. 1924

В Шейхантаур приходили не только узбеки, но и русские, армяне, которых всегда было много в среднеазиатских городах, евреи; многие с детьми. Вообще, на всём быте европейского населения ощущалось узбекское влияние. В каждодневном обиходе были пиалы, касы, ляганы, «чираки». Все ежедневно ели катык — кислое молоко особой закваски, а праздничными блюдами были плов, кавардак и только изредка — пельмени. Впрочем, ташкентские пельмени всегда больше напоминали узбекскую чучвару мелкими размерами, обилием перца и душистых приправ.

В русской речи мелькало много узбекских слов. Девчонки мазали брови усьмой, а ладони и ногти — хной.

Улочка, идущая дальше на запад от Шейхантаура, вглубь старого города... приводила к исконному центру Ташкента — Хадрэ. Этот центр возник ещё в VII веке и сохранял своё значение благодаря главному рынку города — Старогородскому базару.

А. Волков. «Караван»
Фанера, масло. 1944

...От базара можно было проехать на трамвае дальше в сторону Тахтапуля. Здесь на берегу канала Калькауз три дружившие семьи — Поваренных, Павловы и Пославские — снимали в 25–26 году «дачу» — помещение, из которого местные жители выезжали на лето. Сдавались не только глинобитные мазанки, но и дворы, сад и виноградник.

...На берегу Калькауза была большая чайхана, где отдыхали мужчины окрестных кварталов: распивали чай, приготавливали и вкушали плов и,

А. Волков. «Курильщики анаши»
Бумага, чёрный карандаш. 1926

А. Волков. «Чайханы старого города»
Холст, масло, темпера, лак. 1926

к сожалению, курили анашу, характерный запах которой доносился из темноватого помещения чайханы. Почему-то мы с Ириной решили проводить агитацию против употребления наркотиков. До сих пор не пойму, почему нас не побили одурманенные наркоманы. Было нам в те годы всего двенадцать и четырнадцать лет, и мы самоуверенно, если не сказать нахально, поучали взрослых мужчин, что курить анашу вредно. Идиллические были времена!

Курильщики анаши на улице не показывались, невозможно было встретить и пьяного мусульманина. ...Идёшь вечером по городу, навстречу компания молодых людей. Немного волнуешься — вдруг заденут? Подходят ближе, слышишь узбекскую речь. Значит, можешь быть спокойна. В большом взаимном уважении жили мы на наших пригородных «дачах» среди узбекского населения.

Ещё раньше, в 22–23 годах, мы, всё те же три семьи, снимали такую же «дачу» на берегу Бозсу. Дом стоял на лёссовом обрыве около арыка Кунграк. Хозяин Бекходжи был женат на красивой казашке. У них было много детей, в том числе девочка и мальчик, Наима и Анвар, наши с сестрой ровесники. Мы дружили и играли с ними не только летом. Они с отцом приходили к нам в гости и зимой в городе. Поэтому я с детства неплохо знала узбекский язык, хотя говорила, как мои друзья, с казахским акцентом.

Слова О. Пославской о жизни в «большом взаимном уважении» относятся к 1922–25 годам, поздние свидетельства говорят о том же. Вот слова родившегося в 1937 году скульптора Александра Александровича Волкова — сына знаменитого Волкова:

Каждый ташкентец знал: попади он в самый дальний кишлак, кров и гостеприимство ему будут обеспечены. Национальной розни не было, Ташкент принимал в разные года огромное количество людей и всем помогал устроиться жить — это был многолетний процесс ассимиляции и слияния

И. Павлова в 13 лет

(Ташкент, ул. Ленина, 12.
15 февраля 1924 г.)

культур. Жаль, что сейчас он прервался. Тогда я мог сказать: «Узбекистан — это и моя земля», теперь — это только далёкая родина. [17]

Да и в собственном московском детстве я слышал только уважительные слова о народе, среди которого выросли мои родители. Из рассказов складывался образ Благородного Узбека. У него тятка-кетмень. Какое б ни пекло, Благородный Узбек всегда с кетменём, всегда в труде. На базаре Благородный Узбек не торгуется — зачем торговаться, если он назначил своему товару справедливую цену.

Когда, с чего началась обоюдная порча?

3.3. Летопись жизни

3.3.1. Автобиография

Вот бабушкина автобиография. Написанный от руки документ такого рода, содержащий серию обязательных сведений (родня, работа, общественная работа, поощрения, наказания и т. п.), каждому советскому человеку надлежало представлять при каждом повороте учебной или служебной карьеры. Народная молва утверждала, что кадровики, то есть работники «органов», сверяют каждый новый экземпляр автобиографии с предыдущими: нет ли расхождений, свидетельствующих о том, что человек для чего-то врёт или что-то скрывает или вообще написал не сам. Как бы детектор лжи. Поэтому дома у бабушки Ариши (как и у деда Антона) хранился образец собственной автобиографии, с которого списывали очередные версии. Видимо, здесь такой образец.

Павлова Ирина Владимировна родилась в гор. Ташкенте Узбекской ССР в 1911 г в семье служащего. Отец Павлов Владимир Алексеевич по образованию экономист умер в 1945 г. Последние места работы — экономист в ОГНУ Сред. Азии, затем в Н.К. Соц. обеспечения Узб. ССР. Мать Павлова Любовь Сауловна домашняя хозяйка, пенсионерка, живёт со мной. В 1920 году я поступила в Среднюю школу в г. Ташкенте и в 1929 г окончила её. В том же году вышла замуж за доцента Средне-Азиатского Коммунистического Университета Сахарова Антона Григорьевича. В 1930 г родила сына Дмитрия. В связи с переходом мужа на работу во Всесоюзный Коммунистический У-т им. Свердлова в 1932 г переехала в Москву. С 1932 г по 1934 г работала в Дирижаблестрое заведующей техническим архивом. В 1934 г поступила по конкурсу в Театральное училище при МХТ-2. В 1936 г училище было расформировано и я поступила на работу в труппу Московского транспортного театра. В 1937 г уволилась по собственному желанию и перешла работать в Московский областной театр им. Маяковского. В 1941 г театр был расформирован и я с сыном уехала к родителям в Ташкент. Муж ушёл по мобилизации на фронт. С 1941 по 1943 г я работала актрисой в Гастрольном концертном объединении в г. Ташкенте в детской эстраде. С 1943 г до сего времени — актриса Московского Театра Драмы. Всё время работы в театре несу общественную работу, работая профоргом труппы. Во время Отечественной войны выезжала с концертной бригадой для обслуживания частей Красной Армии и госпиталей, за что и награждена Почётной грамотой. Имею медаль «За доблестный труд

1941–1945 гг» и медаль «700-летие Москвы». Ни я, ни мои родственники под судом и следствием не были.

Москва. Улица Чехова 3 кв 26

4/1 1949 г

Подпись

Добавлю кое-что со слов бабушки из своих записей от 8 сентября 1985 и 22 августа 1988 года.

3.3.2. Женитьба

В июне 1929 года Ариша окончила школу, а 25-го (или 23-го?) декабря расписалась с Антоном. Володя, её отец, с горя грозился, что один-одинёшенек уедет в Хиву, в пустыню, он не хотел этого брака. А Любочка была непротив, так как Антон любил персиковое варенье, которое она варила. Антон был человек с положением, работал в университете, это ей тоже льстило. Позже Володя очень полюбил Антона.

У Павловых в это время жил фокс — сучка Джен, её звали Женька. Она очень любила сахар. Володя дразнил её так: «Женька, Сахаров идёт!» — и сучка начинала прыгать.

(Тут я прервусь и напомним Петеньке, что когда он был маленьким, у нас тоже была сучка, полуфокс Кабирия (Тяба). И была у Тябы похожая слуховая иллюзия: она начинала прыгать при слове «коричневый», мы её этим дразнили. Дело в том, что Тяба обожала ходить в гости и больше всего — к Аришеньке.)

Ариша в 15 лет

Расписывались одновременно обе сахаровских пары — Ариша с Антоном и Мина с Галей. Пришли вчетвером, в городскую управу (угол Ленина и Сталина, напротив библиотеки). Галя (их записывали первыми) сказала: «Я оставляю свою фамилию». Ариша тут же решила сделать так же и осталась Павловой.

Пожились и пошли по домам — Аришка к себе, а остальные трое к Сахаровым в Сухаревский тупик, Галя там у них уже жила, это рядом, через Обуховский сквер. Не было никакой свадьбы, никак не отмечали; Аришка вообще не ходила в тот дом, так как Наталья Ивановна не хотела, чтобы Антон женился на девице без образования, да ещё и бедной. (Но потом Аришка стала её любимой снохой.) Виделась с Антоном только у Пославских, которые жили в том же дворе, где Сахаровы, но в другом доме. У них Антон с Аришей и познакомились.

Семьи Павловых и Сахаровых пересекались за несколько лет до этой женитьбы. Ещё при жизни Антонова отца Любочка работала с ним в «Директории по топливу», и Григорий Иванович Любочке не раз помогал — дрова, какие-то обеды, за которыми в эту директорию Ариша ходила с Лёнкой. Тяжелое (суп) должен был нести Лёнка, но он ставил кастрюлю на землю и уходил вперёд, и Ариша после терзаний несла сама.

Володя Лёнку очень любил и не делал различия между приёмным сыном и родной дочерью.

Три семьи и до Брич-Муллы ездили вместе на дачу — в Тахтапуль, Кунтрак; снимали целый двор с виноградником. Любочка особенно дружила с Валентиной Васильевной. В Брич-Мулле Арише было уже лет 15, туда

Милой Аринушке.
Антон
3. X. 929 г.

приезжал Антон — как бы в гости к Валентине Васильевне, на самом деле он был увлечён Аришкой, которая тогда училась в школе.

Пославские жили в Сухаревском тупике всегда, сколько Ариша себя помнит. У них каждый вечер собирались гости: Ариша с Любочкой (но не Володя и не Лёнька), Надежда Николаевна Поваренных (без мальчиков; Сергей Иванович, её муж, почти не бывал), супруги Куны, Защуки (Сергей и Надежда, их знали по Тахтапулю); из детей там бывали только Аришка и обе девочки Пославских, Ляля и Муся. Взрослые играли в шарады и другие игры и детей тоже привлекали; Юрий Ильич придумывал смешные развлечения.

Антон чуть не каждый вечер ходил к ним, он был в большой дружбе с Пославскими, больше никто из Сахаровых не ходил. Он был и учеником Юрия Ильича, и соседом.

3.3.3. Мельничный

После дом в Сухаревском продали и переехали в Мельничный переулок. Там была комната у Наталии Ивановны с Маврой Яковлевной (эта «Маконька» была вроде как экономка), другая комната, большая и удобная, непроходная, была у Мины с Галей (которая, как и Ариша, была беременна). И была проходная комната, в которую позже въехали Ариша с Антоном. Но сначала они снимали комнату в соседнем Мельничном тупике у Жени Пикок.

Ещё была тёмная кухня.

В Мельничном обнаружилось различие характеров между безропотной Аришей и Галей, женой Мины Григорьевича. Наталья Ивановна без спроса входила во все комнаты, Галя её однажды шуганула. Вообще, всегда одергивала.

Во дворе было много персиков, они шли с мая — от Ларисиноного рождения — до ноября, моего. Ещё во дворе стояло большое урюковое дерево, на котором было больше урючин, чем листьев. Мелкие, но очень сладкие. В это дерево Ариша закапывалась плакать о своей несчастной жизни — потому что каждый день ели одно и то же мясо, от которого её, беременную, рвало. Готовила домработница Сима, она жила в тёмной комнате.

У Журавлёвых на даче

Слева направо:

Дима Журавлёв с Ольгушкой на руках,
Ира Журавлёва,
Муся Трусова,
Эся Фурман,
Ариша Павлова в ожидании Мити

(Ташкент, р. Салар, 1930 г.)

Ариша с сыном Митей
(Ташкент)

Рожала Ариша в комнате Мины и Гали, помогала акушерка. Сама Галя за полгода до Ариши родила Ларьку в больнице.

Когда мне было девять месяцев, ездили на лето на Волгу в Углич.

В Мельничном жил очень хороший доктор Константин Фёдорович Попов, он Ларьку и меня вёл с младенчества. Позже Попов тоже перебрался в Москву, где оставался детским врачом для всех Сахаровых.

3.3.4. В Москву

Первым уехал из Мельничного Мина — сначала в Алма-Ату, затем в Москву. За Миной в Москву перебрались Галя с Ларисой, так что Ариша и Антон какое-то время жили в Мельничном без них.

Дом продали, Наталья Ивановна тоже поехала к детям в Москву, Ариша со мной перебралась к Павловым, Сима в свои Челны. Так как Ариша уже работала, нянчиться со мной приходила Мавра Яковлевна, остававшаяся где-то в Ташкенте. Она звала меня «хлюстом»; у меня было белое, вышитое голубым пальтишко, сшитое Елизаветой Владимировной. Ариша работала в библиотеке учебного комбината.

В Москву мы с Аришей ехали в купе, был 32-й год, осень. Антон уехал незадолго до нас. Жили у Красовских на Пречистенском бульваре, потом в Волковом переулке возле зоопарка у Каринских, это были знакомые Антона, у них была квартира и они сдавали нам комнату. Там была приходящая няня, некрасивая девушка Тоня; она гуляла со мной по зоопарку.

В это время в Москве уже жила с мужем Муська Трусова. Она работала чертёжницей в «Дирижаблестрое» — на Петровке в Пассаже, на самом верху. Туда же устроила Аришу архивариусом.

(Советский Союз был тогда лидером мирового дирижаблестроения, «Дирижаблестрой» создали под знаменитого полярника Умберто Нобиле, которого по специальному контракту выписали из Италии консультировать строительство советских дирижаблей.)

Нобиле было не до Аришки, ей не до него. По её словам, делать там было совершенно нечего. Готовила чай, когда устраивались заседания.

Наверно, через полгода Антон получил комнату на Малой Дмитровке. В нашей, правой половине квартиры уже жили соседи, с которыми потом прожили много лет, — Шевкины, Царьковы, Барановы, Бычевские.

Вещи у нас были в основном из Ташкента: сундук, письменный стол, даже мороженица.

О пианино. У Николая Степановича Назарова была сестра, Лидия Степановна Скворцова, а у Скворцовых в Москве были друзья или дальние родственники, которых в 36- или 37-м году арестовали; они попросили взять пианино на хранение. В хрущевскую оттепель, приходил выпущенный из ГУЛАГа хозяин, и мы это пианино у него купили. После этого отношение к пианино в доме изменилось, стало более свободным и беспечным. Муська Трусова, приходя, играла небольшую пьеску, которую она называла экосезом Бетховена, других вещей не знала.

О сундуке. Он был огромный, стоял в прихожей возле входной двери, на нём спали гости всей коммуналки. Письменный стол был тоже огромный и очень хороший — дубовый, резной; с ним пришлось расстаться при переезде в 1959-м с Малой Дмитровки. Мороженица была старинная, мороженое на ней в Москве крутили лишь однажды, куда она делась, неизвестно.

По бабушкиным словам, у нас в Москве была довольно большая картина Волкова — узбек с бандурой, весь из кубиков. Картины не помню и судьбы её не знаю, но сохранилась небольшая акварель Волкова, тоже кубического. Что-нибудь около 1918 года, судя по манере. Был ковёр во всю стену и большая жёлтая сюзане с зелёной вышивкой, её украли во время войны. Ковёр за войну проела моль, его продали. На сюзане я в детстве насмотрелся, засыпая; там в верхнем углу один из элементов орнамента выпадал из ряда, и отец говорил, что этого требует узбекская эстетика.

*Екатерина Алексеевна Назарова и Митя Сахаров
(Москва, М. Дмитровка, июль, 1955 г.)*

3.3.5. Театр

Если судить по автобиографии, приобщение к театру началось у бабушки с 1934 года. Но согласно запискам О. Ю. Пославской, бабушка ещё до отъезда из Ташкента принимала участие в любительских спектаклях.

Как и теперь, за главным зданием ДКА (Дом Красной Армии) существовал небольшой парк, вечерами играла музыка, которая была слышна в Сухаревском тупике. В летнем театре парка проходили киносеансы или эстрадные концерты. Выступали и самодеятельные артисты. Особенно хорошо помню спектакль по пьесе Файко «Человек с портфелем», роль Гоги играла Ирина Павлова (впоследствии — актриса театра Революции). [18]

В 34-м году кто-то в «Дирижаблестрое» посоветовал бабушке идти в актрисы. Она поступила в театральное училище 2-го МХАТа. У них это был первый набор. Одновременно с бабушкой конкурс в училище выдержали будущие знаменитости — Юрий Любимов, Елена Фадеева, Георгий Вицин... В 35-м перешли на 2-й курс, но тут произошла вся «вредительская вещь» — слили Реалистический театр с Камерным, театр Моссовета услали в какой-то город, а Берсеневу, худруку 2-го МХАТа, предложили с театром уехать в Киев. Он обратился за помощью к Тухачевскому, а тот уже был в опале, и в одну ночь театр ликвидировали, Ариша услышала об этом по радио в последних известиях.

В 11 вечера побежала в театр, и туда прибежали все актёры и все студенты училища. В фойе у входа в кабинет Ивана Николаевича (Берсенева) увидела две сброшенных на пол шубы — его и его заместителя.

Разрешили сыграть только один спектакль, «Мольба о жизни». После конца были овации, публика стояла очень долго, а занавес открывать не разрешили. Берсенев метался за кулисами и всё же сказал: Открывать!

Все вещи было велено унести в один день, это был

родной дом столько людей, ничего другого у них не было. Почему-то снесли всё в помещение, где рылось метро.

Позже, когда Берсеневу дали театр Ленинского Комсомола, он взял туда Бирман, Гиацинтову, из молодёжи — Люльку Фадееву, потому что она была племянницей Гиацинтовой. Аришу не взяли, хотя она была на лучшем счету и ей прочили роли, которые играла Гиацинтова.

Лидия Ивановна Дейкун и Аркадий Иванович Благонравов ушли тогда в Транспортный театр и взяли туда Аришу актрисой, так как училище тоже разогнали. У неё так и осталось два курса. Некоторые с её курса, в частности

Юра Любимов, Люля Замковская, Месхи, Вицин, ушли доучиваться в училища Вахтанговского и Малого. С Аришей в Транспортный ушла Ира Потоцкая. Гиацинтова сказала Арише: «Не ходи никуда доучиваться, ты готовая актриса».

Виктор Драгунский, позже ставший писателем, тоже был актёром Транспортного. Он играл Скапена в «Проделках Скапена».

В этом спектакле была занята и Ариша, а её возлюбленного играл Николай Алексеевич Павлов (всего в труппе было трое Павловых). В 37-м году готовили концерт к 100-летию смерти Пушкина, Арише предстояло читать письма Керн. Однажды на репетиции разговорились с Николаем Алексеевичем о родне и выяснилось, что Ариша его племянница. Он был сыном Терезы, второй жены Аришиного деда Алексея Герасимовича Павлова. У Терезы было два сына, другого, кажется, звали Павлом Алексеевичем. Между разными гнёздами потомков Алексея Герасимовича никогда до этой встречи не было даже переписки. Николай Алексеевич очень любовно отнёсся к Арише.

В это время в Транспортном театре в Аришу влюбился директор и велел ей разойтись с Антоном и выйти за него замуж — или уходить из театра. Актёры очень его не любили. Этот директор, Калинин, увидев Николая Алексеевича, обнимавшего в фойе за плечи свою племянницу, взбесился и велел ей написать заявление об уходе. Актёры уговаривали её писать жалобу в Комитет по делам искусств, но она этого делать не стала и ушла. Был 37-й год.

Московский театр, в труппу которого бабушка поступила в 1943 году в Ташкенте, назван в автобиографии Театром Драмы. На самом деле это был знаменитый Театр Революции, которому заменили название, чтобы не пугать англо-американских союзников по антигитлеровской коалиции. Позже название поменяли снова, получился театр имени Маяковского.

В этом театре бабушка проработала больше полувека. Когда её, ещё не старую, собрались уволить «по сокращению штатов», она без амбиций перешла из актрис в ассистенты режиссёра. Когда стало трудно работать помрежем, нашла себе работу полегче — сидела на служебном входе, отвечала на звонки приятелей-актёров о занятости в репетициях. То есть осталась в театре, что позволяло оставаться счастливой.

Мы все поперебывали там у бабушки на служебном сквозняке, Аня даже поработала в костюмерной. Бабушка радовалась нашему приходу, вытаскивала кипяtilьник, готовила сыночку или внучку чай с лимоном. Знакомый нейрофизиолог Павел Васильевич Симонов, увидев меня там, в театральном пыльном чреве, долго пялился, не в силах понять, кто я такой: до того мы с ним встречались исключительно на академической почве. (А Павла Васильевича занесло туда тоже по семейной линии, у него там дочь, актриса Евгения Симонова.) Старые актёры, забежав глянуть в расписание, узнавали-целовали, путали меня с тобой, Петенька. Наконец, случился сбой — бабушка дала одному из актёров ошибочную справку, из-за чего чуть было не сорвался спектакль. Пришлось признать, что время её истекло. Но жить без театра не умела, не хотела, смерти не противилась и вскоре умерла. Это случилось 6 сентября 1999 года, на восемьдесят восьмом году жизни.

В гримёрной (на гастролях)

*С Якушевым в спектакле «Родина»
по пьесе Г. Зудерманна
(1941 г.)*

*В роли Эмили в спектакле «Эмилия Галотти»
по пьесе Г.-Э. Лессинга*

*С В. Латышевским в спектакле «Весна в Москве»
по пьесе В. Гусева
(декабрь, 1948 г.)*

В роли Королевы и Актёра в спектакле «Гамлет» по пьесе В. Шекспира

В роли Выриковой в спектакле «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева

В роли Марселлы в спектакле «Собака на сене» по пьесе Л. де Веги (1956 г.)

3.3.6. «Всегда занята»

Хорошо, что театр стал бабушке семьёй, — с дедом Антоном у неё семьи не получилось. Она это осознала довольно рано. Но другой семьи заводить не стала, — возможно, из-за меня.

В упоминавшихся записках Аришиной одноклассницы М. Трусовой есть главка «Митя», касающаяся моего детства. Там приводится такой эпизод:

Однажды перед самым моим уходом Антон подошёл ко мне и в довольно резкой форме сказал:

«Прежде чем уходить, вы бы хоть перекрестили Митьку в постели. Ведь у него нет матери. Всегда занята».

С тех пор я никогда не уходила, не уложив Митю и не перекрестив его.

Достоверность записок как правило сомнительна: кое-что Мария Дмитриевна художественно преувеличивала, иное просто присочиняла. Перекрестить меня на ночь — такого у нас вообще не водилось, религиозной была только Наталья Ивановна, умершая в 1936 году. Вот поцеловать было в порядке вещей.

«Нет матери»? Не вспомню, чтобы мать гуляла со мной по Москве. Или чтобы играла. Все маршруты были с отцом, все игры изобретал тоже он и сам получал от них удовольствие. Для игр нужен особый талант, которого у матери моей по-видимому не было. Но мать меня любила, я это всегда чувствовал и комплексов не испытывал. Одним из выражений её любви была постоянная тревога за меня, этой тревогой мать изводилась как в мои детские годы, так и когда я стал отцом и дедом. С годами её беспокойство распространилось на мою семью.

Такой же была её мать, моя бабушка Люба. Да я и сам такой.

Знаю, вам обоим обострённая тревога за близких кажется наигранной, ненатуральной. Вы этого недуга от меня не унаследовали, как я, увы, не унаследовал от своего отца изощрённой изобретательности по части игр с детьми.

*Ариша с сыном и Муся Трусова
(дер. Рождественно, 1935 г.)*

*И. Павлова с сыном
(Кропотово, 1990-е гг.)*

3.4. Родня по Павловым

3.4.1. Потомки неведомой Терезы

Рассказ бабушки Ариши о внезапном обретении родного дяди в ходе подготовки к Пушкинским дням 1937 года я записывал не однажды. Согласно записи 1985 года, Николай Алексеевич Павлов, «прелестный человек», жил тогда с женой возле улицы Горького (Тверской) в том Мамоновском переулке, где глазная больница. Однажды бабушка Ариша к ним приходила. Детей у них не было. Но в том же Транспортном театре он сошёлся с актрисой Ириной Потоцкой, которая родила от него мальчика. Она сама воспитала сына, он жив, и нам он не очень даже дальний кровный родственник.

О другом своём дяде по линии Терезы, названном на этот раз не Павлом, а Алексеем Алексеевичем, бабушка Ариша знала только по упоминанию о нём Николая Алексеевича. Ей запомнилось, что Алексей Алексеевич инженер и имеет двоих детей.

Фотографию их отца Алексея Герасимовича Павлова, на которой ваш прапрадед в эполетах, мы получили от Николая Алексеевича, он прислал её через много лет, в 1964 году.

3.4.2. Назаровы

Но я обещал рассказать о нашей ближайшей ташкентской родне — родне по Аришиной тёте Кате. Этой ветви павловского рода досталась фамилия главы семьи **Николая Степановича Назарова**, мужа Аришиной тёти Кати — **Екатерины Алексеевны**, в девичестве Павловой.

По рассказам бабушки Ариши (запись 1985 года), Николай Степанович был большой шутник, с подковыркой, очень ироничный человек. Он был коротко стриженный (как и его сын Коля), небольшого роста, ниже тёти Кати, рыжеватый. Свой дом на Ниязбекской Назаровы построили ещё до революции. Николай Степанович любил работать в своём саду, даже завёл большую редкость — фейхуа.

Мне самому повидать Николая Степановича Назарова не довелось, он умер до войны. Знаю, что его сестра **Лидия Степановна**, по мужу **Скворцова**, была матерью известных в Ташкенте братьев, профессоров-географов **Скворцовых** — **Юрия Александровича** (1898–1968) и **Алексея Александровича** (1900–1954). В годы войны я видел этих Скворцовых в доме Назаровых и считал их друзьями семьи; оказалось — близкие родичи.

Свою тётю Катю бабушка Ариша аттестовала как очень большую чистюлю. «Они жили в достатке: много белья, хорошая еда, не как мы». Да я и сам это видел.

Немного из записок Ольги Юрьевны Пославской:

Мне хорошо был известен дом на Ниязбекской, теперь уже снесённый. Принадлежал он семье Назаровых, тёте и дяде Ирины Павловой. Глава семьи, Николай Степанович, преподавал физику в университете. Впрочем, главой семьи была, несомненно, его жена Екатерина Алексеевна, урождённая Павлова, в прошлом учительница, женщина необыкновенного ума, ироничная и величественная. Их сын Николай был ташкентской знаменитостью. В четырнадцать лет он поступил на механико-математический факультет Среднеазиатского университета,

в восемнадцать — закончил его, в двадцать шесть стал профессором. Кроме того, он был мастером спорта по гимнастике, выступал в цирке с акробатическими номерами. Лето он обычно проводил в горах, путешествуя по необжитым высокогорьям, и умер от воспаления лёгких на леднике Федченко, на высоте около 4000 м. Ему не было и сорока. [19]

Здесь мы наконец приблизились к **Николаю Николаевичу Назарову** — единственному сыну Екатерины Алексеевны Павловой и, соответственно, единственному двоюродному брату бабушки Ариши. Он родился 23 февраля 1908 года в Ашхабаде, умер 13 июля 1947 года — но не на самом леднике Федченко, а в городке Мургабе Памирском, куда его, заболевшего, поспешили спустить с ледника.

Датированная 1927 годом газетная статья позволяет понять, почему дядя Коля Назаров стал ташкентской знаменитостью. Статья называлась «О ТАЛАНТЕ И... «СОДЕЙСТВУЮЩИХ».

Несмотря на свои три года, мальчик, к немалому огорчению родителей, ещё не начинал говорить. В семь лет никак не мог научиться читать, и самой большой угрозой для него была школа, одно только упоминание о которой вызывало море слёз. Общими усилиями родителей удалось подготовить десятилетнего Колю к экзамену в первый класс гимназии.

Отец-математик давно уже задумывался над тем, почему детям так трудно даётся математика — эта наука, связанная с цифрами. На своём собственном сыне, оставленном дома для учения, он решил проделать опыт, совершенно не подозревая тех последствий, которые готовились судьбой. **В возрасте 10 лет сын учителя Назарова одолел весь курс физики и математики средней школы, курс, который проходится в течение 7–8 лет!**

В 1919 году, когда Николаю Назарову было 11 лет от роду, он вместе с приятелем, на несколько лет старше и окончившим гимназию, пошёл на физико-математический факультет тогда ещё Ташкентского университета и заявил о своем желании учиться. Здесь с иронической улыбкой выслушали его намерения, задали пару-другую вопросов и, убедившись в наличии математических знаний, разрешили посещать лекции в качестве вольнослушателя. Новоиспечённого вольнослушателя после университетских занятий сплошь и рядом можно было встретить на улице в компании сверстников, с весёлым смехом погоняющим обруч.

Дальше будем говорить словами проф. Романовского: «Мальчик с большим рвением и весьма исправно посещал все лекции и практические занятия и при переходе с первого курса на второй подвергся всем испытаниям, которые **выдержал блестяще и лучше всех своих взрослых товарищей по курсу**. При испытании ему намеренно ставили трудные и тонкие вопросы, испытание производилось особенно тщательно и всесторонне, но он давал совершенно правильные, ясные ответы, показывающие, что он овладел предметами первого курса во всех тонкостях».

После этого Назаров был зачислен студентом 2-го курса физматфакультета САГУ и **весной 1923 г. 15 лет от роду лучшим окончил курс**.

(Здесь «окончил курс» применено в старинном смысле — окончил университет.)

Николай Назаров и Леонид Розенблат

Ташкент, ул. Ленина, 12
11 февраля 1924 г.

Однако, это ему удалось не так уж гладко. В 1922 году строжайшая комиссия по проверке личного состава студентов «вычистила» Назарова из университета. 14-летнему гениальному третьекурснику, сыну трудового интеллигента-педагога, блестяще сдавшему все зачёты, не пропустившему ни одной лекции и практической работы, было поставлено в вину, во-первых, что он недостаточно полно осветил перед комиссией разницу между гражданским и церковным браком, во-вторых, не мог точно ответить, каков взгляд коммунистической партии на историю и «бытие ли определяет сознание или сознание — бытие», в-третьих, не мог полно обрисовать все этапы революции «с Октября по сие время», не говоря уже о том, что не знал, как отражаются технические усовершенствования на рабочих.

...Для получения звания учёного специалиста-математика надо было ещё сдать научную работу, и пятнадцатилетний юноша, взяв тему «о приближенном вычислении определённых интегралов», выполнил и сдал её профессору Романовскому. Последний дал блестящий отзыв об этом труде и предсказал Назарову большое будущее, ибо феноменальный молодой математик, следуя в своей работе за академиками В. А. Стекловым, П. Л. Чебышёвым, А. А. Марковым и проф. Бернштейном, дал обобщение некоторых результатов, достигнутых этими учёными.

Здесь, примерно на середине, кончаю цитировать статью из газеты «7 дней» за пятницу 4 марта 1927 года, № 11. Вторая половина содержит рассказ про новые препоны, в частности про «глупейшее постановление, которым талантливому юноше, человеку с великим будущим, отказали в его естественной просьбе» быть оставленным при университете. Конец статьи оптимистичен: вот уже год, как Николай Назаров совершенствует свои способности в Ленинграде, куда его выгнали академик Стеклов, и «на всесоюзном съезде научных работников о нём с гордостью говорят, как о будущем научном светиле».

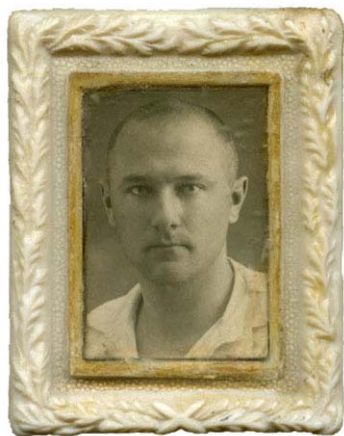
Подпись под статьей — Эль-Регистан. (Так же именовался человек, который, в соавторстве с С. Михалковым, стал автором Гимна Советского Союза. Он самый?)

Сохранилась также заметка из какой-то другой газеты, подписанная светилами узбекистанской науки. Начало такое:

После тяжёлой и непродолжительной болезни скончался Николай Николаевич Назаров, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор Среднеазиатского государственного университета и директор Института математики и механики Академии наук УзССР.

Далее — что положено.

Эту заметку, как и посмертно изданный сборник научных статей Коли Назарова, его фотографии, открытки, оттиски его научных статей, даже таинственную прядку волос сберегла в особой папке Мария Дмитриевна Трусова. Среди сохранённых ею бумаг, есть письмецо из Ташкента от Любочки:

Николай Назаров

(портрет принадлежал М. Трусовой)

Дорогая Муся, одновременно посылаю письмо и Ирине. В горах Памира от воспаления лёгких умер Коля Назаров. Не могу сейчас всё подробно писать. Приеду и расскажу. Если Аришеньки нет, напиши, где она, или, если она в доме отдыха, поезжай к ней. Это случилось 18-го июля. Катя хотела писать тебе и Ирине, но видимо пока не может. Боже мой, как это всё ужасно. Как много может человек перенести. Мне теперь как-то особенно страшно за своих близких. Вот от Аришеньки нет писем больше недели и тревожно. Да, человек — эгоист. Целую тебя, твоя Л. Павлова.

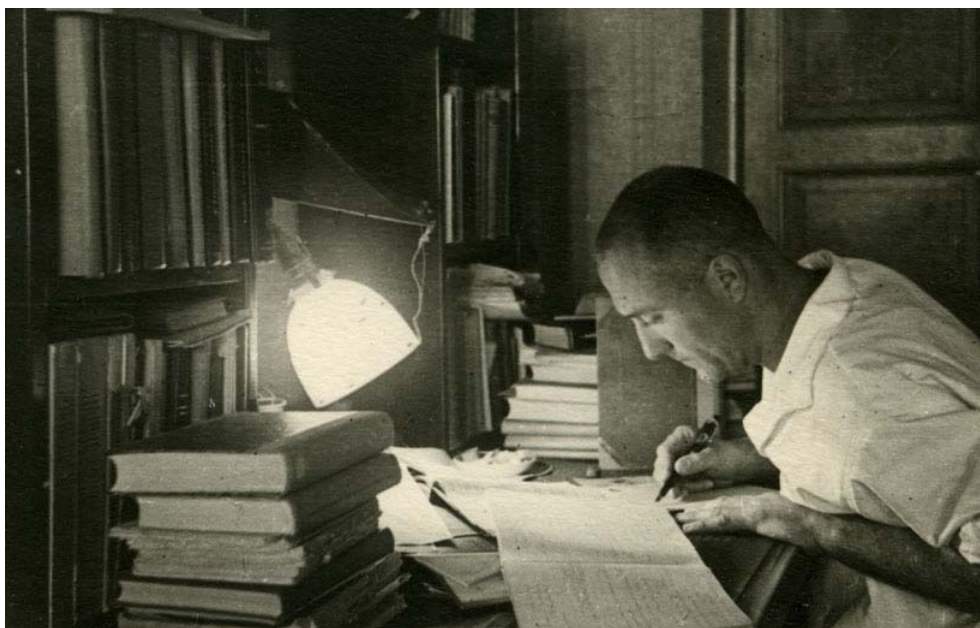
Здесь загадочными могут казаться слова «Да, человек — эгоист». Их можно понимать так: эгоистично за целую неделю не послать матери ни письмаца. Но можно и так: безнравственно забавы ради шляться по ледникам, когда у тебя есть мать, для которой ты — единственный свет в окошке.

Сохранившая Колино досье Мария Дмитриевна Трусова не только пронесла до могилы глубокое чувство к двоюродному брату своей одноклассницы, но и оставила миру (ибо безадресно) внятный рассказ об истории своей любви.

Я его звал дядей Колей. Помню, что зимой и летом он спал на террасе с Диком, немецкой овчаркой. Помню большие и твёрдые жёлтые конверты на его идеально упорядоченном рабочем столе. (Только лет через двадцать такие же появились на моём и я узнал, что в них зарубежные коллеги присылают оттиски свежих научных статей.) Что-нибудь дельное припомнить не в силах — дельное было в ту пору не для меня.

*Н. Назаров,
снимок Василия Шевкина
(Москва, М. Дмитровка, 3,
1947 г.)*

3.4.3. Зинаида Николаевна и русский империализм

Кроме сына Коли, Назаровы вырастили приёмную дочь Зину — дочь тётки Катини подружки Лизы, которая умерла от сыпного тифа. На моей памяти, то есть в 1941–43 годах, Зинаида Николаевна жила с Назаровыми. Возможно, носила их фамилию.

Она была доцентом химфака университета, увлечённо занималась производными фурфурола. Через какое-то время после войны вышла замуж за коллегу-химика Геннадия Фёдоровича Потёмкина, а ещё позже оба покинули Ташкент

и доживали свой век в Ростове-на-Дону, где тоже работали на химфаке университета.

Детей Зинаида Николаевна не имела, нам в Москву неизменно присылала к праздникам поздравительные открытки. Свой отъезд из любимого Ташкента кротко, без тени неудовольствия объясняла естественным ходом вещей: должна была освободить место для узбека. Для того, дескать, и трудились, выращивая национальные кадры.

*В первом ряду:
Катя Назарова (справа) и Лиза
(24 марта 1902 г.)*

*Коля, Николай Степанович и Зина
Назаровы*

Идея донорства пропитывала воздух русского Ташкента. Я это чувствовал кожей. Всегда вспоминаю тихую Зинаиду Николаевну, когда Советский Союз по дурости, злобе или неинформированности называют империей. Не были мы империей. Империя — это когда метрополия вывозит из колоний больше, чем сама им даёт. Например, США потребляют вдвое больше, чем производят, следовательно, многие регионы мира по факту являются колониями США. Но в Советском Союзе «метрополия» (Великая, Малая и Белая Русь) больше давала иноплемённым территориям, чем брала

у них. Делилась — всем. Так что к моменту развода каждая из союзных республик была щедро наделена всем необходимым для автономного плавания — неслабой индустрией, соцветиями вузов, театров и клиник, академией наук, квалифицированным офицерским корпусом, даже национальным кино. Добавим чиновничий аппарат и навыки государственности. А с чего начинали, к примеру, те же киргиз-кайсацкие орды? Чем мог похвастать приют убогого чухонца? Ну, палисадники были у прибалтов на зависть, георгины-пионы, а что ещё? Что ещё, кто-нибудь может сказать? Дюны? Гроссмейстер Пауль Керес? Чурлёнис — живописец и композитор в одном провинциальном флаконе?

То, что мною названо донорством, мой ташкентский сверстник скульптор А. А. Волков назвал иначе и, возможно, точнее — жертвенностью. В его словах о поколении Зинаиды Николаевны Назаровой нет пафоса, слова лишь констатируют очевидное:

Это были люди удивительной жертвенности и увлечённости — они боролись с чумой и проказой, проектировали и строили каналы, сажали сады в горах, где раньше ничего не было. Они строили первые электростанции, заводы, создавали учебные заведения — от школ до институтов и университетов, консерваторий и художественных училищ. Это были ближайшие родственники и друзья, окружавшие нашу семью, и таких семей в Ташкенте было множество. [20]

Почти уверен, что дореволюционная Россия, если и была империей, то иначе, чем это делалось на Западе. Алгеброй не поверял, но на уровне гармонии нахожу немало благозвучия в суждениях автора либерального журнала «Знамя»:

Российская империя, навеки заклеянная неблагодарными отпрысками «тюрьмой народов», дала письменность и государственность десяткам племён, таковых не имевших. Ни татары, ни эсты с ливами, ни грузины с армянами, ни казахи с якутами, ни украинцы, ни белорусы — никто не сгинул в неряшливом доме этой загульной, тяжёлой на руку, подверженной эпилептическим припадкам матери-одиночки. Всех вырастила, всех поставила на ноги. А вот теперь пусть благородная Польша предъявит свои свершения на этот счёт. Пусть расскажет, как голубила Украину с Белоруссией. Пусть европейская Турция покажет своих армян, а европейская Польша — своих евреев. Пусть гордая Грузия вспомнит, как двести лет просилась в состав России — не из любви к русскому царю, а из естественного желания жить — а заодно пусть покажет своих абхазцев. Или такая головоломка: азиатская Россия втихомолку ограничивала выезд евреев, а «родина прав человека» Англия законодательно запретила им въезд (закон 1905 года). Какую из этих двух стран мировое сообщество обвинит в государственном антисемитизме? — Ответ неверный. [21]

Себя автор цитированного текста аттестует так: независимый еврей, гражданин независимой Литвы.

Не напрасно всё-таки говорят, что независимость не доведёт до добра.

3.4.4. Младшие Назаровы

Наташа Назарова

Женой дяди Коли Назарова была статная красавица тётя Лёля, **Полина (Георгиевна?) Зинкина**. Несколько слов о ветви павловского древа, которой дала начало эта пара.

Их дочь **Наташа** на детских фотографиях удивительно похожа на мою внучку, твою, Анюта, дочь Симочку. Наташа на несколько лет младше меня. В моём ташкентском детстве (1941–1943) разница в возрасте не располагала нас с Наташей к тесному общению, но она часто щебетала рядом, играя со сверстницей и подружкой по имени Лорка. Лорка была дочерью ближайшего друга дяди Коли Николая Владимировича Богдановича. Богдановичи жили тогда в назаровском доме.

Уже после нашего отъезда из Ташкента у Назаровых родился сын Коля — **Николай Николаевич Назаров-младший** (7 января 1945 — 22 июня 2004). Он, насколько я знаю, основную часть жизни провёл в Москве. Мы успели немного сблизиться в связи с его 50-летием, когда Анюта и я побывали в гостях у Колиной семьи на Рублёвском шоссе. Это было 8 января 1995 года, я тогда записал с Колиных слов, что его сестра Наташа живёт в Волгограде с мужем (Анников?) и дочерью Алёной (Ольгой, 1957), у которой две дочери от разных, уже выгнанных, мужей — Марина и Полина. Выяснилось, что жену Коли-младшего зовут Надеждой Семёновной, у них две дочери, Ира и Света. Ира была с дочерью Машей, очень живой девицей, а про мужа сказала, что он работает в Курчатовском институте. Света — студентка. Коля и Надя вместе со школьных лет, то есть с Ташкента. Повидали на этом торжестве родню Надежды Семёновны. Её отец, Семён Михайлович, рассказал, что в Ташкенте он был партработником. У Надиной младшей сестры Любы две дочери, старшую зовут Света, младшую — Катя, она тогда училась на 4 курсе мединститута. Ещё младше Нади и Любы их брат Володя (он был с маленькой дочерью Сашей).

Коля сказал, что у него есть библиографическая брошюра об отце (я её не видел).

В январе 2005 года я позвонил поздравить Колю с новой круглой датой — а его нет в живых.

Наташа Назарова

Коля Назаров-младший (11 лет)

